

Мухамбетов Рустам Тлекабелович

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ АСТРАХАНСКОГО КРАЯ В СВЯЗИ С АКТИВНЫМ ЕГО ЗАСЕЛЕНИЕМ В КОНЦЕ XVIII-XIX В.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/12/11.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 12 (43). С. 38-45. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Самой известной работой, анализирующей воздействие учителя на молодого ученого, является труд Х. Закерман, посвященный учителям ученых, получивших Нобелевские премии. Она обнаружила, что среди учеников Нобелевских лауреатов процент ученых, также ставших Нобелевскими лауреатами, выше, чем в научном сообществе в целом [7, р. 245]. Возможно, что выдающиеся ученые обладают каким-то особым «чутьем», позволяющим им отбирать себе в ученики наиболее талантливых и перспективных молодых людей.

Однако Закерман считает, что дело не столько в этом, а в том, что основу влияния руководителя на ученика составляет помощь (посредничество) в социализации, понимаемой как процесс вхождения в субкультуру науки. При этом ученики Нобелевских лауреатов изначально проходят эту социализацию в среде «научной аристократии», которую, по мнению исследовательницы, отличает ряд особенностей, в том числе высокий уровень стандартов научной деятельности, большие личные притязания и ориентация на будущую позицию научной элиты.

Д. Саймонтон обратил внимание на то, что в жизни ученого есть разные периоды. На одном из них - формирующем - происходит вхождение в науку и развитие творческого потенциала, т.е. овладение накопленным ранее опытом, знаниями и методами познания, нормами и ценностями отношений и поведения в сообществе [6, р. 112]. На этом этапе огромное значение принадлежит влиянию самых разнообразных внешних факторов.

К макросоциальным факторам, безусловно отрицательно влияющим на развитие творческого потенциала, Саймонтон относит политическую нестабильность и любые войны, в которых участвует данная страна. Положительными факторами, как ни странно, являются гражданские волнения, социальные конфликты, т.е. ситуации, выдвигающие сильных личностей и требующие от личностей быстрого взросления, постижения сути происходящих событий и соответствующего выбора [Ibidem].

Среди факторов ближайшего окружения особая роль принадлежит тем моделям поведения, которые реализуют люди, находящиеся перед глазами молодого ученого. Чем шире круг моделей, доступных индивиду для наблюдения и подражания, чем более разнообразные влияния он испытывает, тем больше он имеет возможностей для выбора собственной роли и соответствующей линии поведения.

Когда процесс приобретения опыта в основном закончен, наступает следующий - продуктивный - период, в течение которого ученый перерабатывает накопленный опыт, преобразует его в свои внутренние установки и взгляды и «отдает» в виде своих научных результатов. На этой стадии значение «влияний» хотя и остается, но заметно ослабевает. Основной движущей силой дальнейшего развития ученого как личности и как профессионала становится его собственная внутренняя среда, сложившиеся к этому моменту глубинные личностные образования: ценности, смыслы, мотивы, потребности, идеалы и т.п.

Таким образом, и исследователи собственно личностных характеристик ученых, и исследователи факторов их становления постепенно, хотя и с разных сторон, подошли к осознанию необходимости формировать новые подходы к личности как к целостной структуре, объединяющей отдельные ее характеристики единым смыслом и стержнем. Представление о личности как системе позволяет понять, почему одни и те же внешние воздействия могут приводить к совершенно противоположным эффектам у разных индивидов: любое воздействие преломляется через сложившиеся психологические образования, особый внутренний мир человека и воплощается в разных типах поведения.

Список литературы

1. Аллахвердян А. Г. Стиль руководства как детерминанта деятельности малой научной группы: канд. дисс. М., 1993.
2. Белановский С. Н. Наука: от финансового аудита к власти эффективных менеджеров. 2005. С. 200-209.
3. Лейбин В. Новые эпохальные реформы: обзор подходов. 2007. С. 160-163.
4. Мельникова И. Оседлать волну: интервью с А. А. Фурсенко // Итоги. 2007. № 49 (599).
5. Long J. S., MacGinnis R. The effect of the mentor on the academic career // *Scientometrics*. Amsterdam - Budapest, 1985. V. 7. № 3/6. P. 255-280.
6. Simonton D. K. *Scientific genius: a psychology of science*. NY, 1988.
7. Zuckerman M. Attribution of success and failure revisited, or the motivational bias is alive and well in attributional theory // *Journal of personality*. 1976. V. 42. № 2. P. 245-287.

УДК 325.11

Рустам Тлекабелович Мухамбетов
Астраханский государственный технический университет

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ АСТРАХАНСКОГО КРАЯ В СВЯЗИ С АКТИВНЫМ ЕГО ЗАСЕЛЕНИЕМ В КОНЦЕ XVIII-XIX В. ©

Астраханская губерния по размерам территории относилась к самым обширным в Европейской России: к 1861 г. ее площадь превышала 19 млн. десятин. Она занимала Прикаспийскую низменность. Крайний характер местности, долгое время мало заселенной и слабо освоенной в хозяйственном отношении, придавал ей черты общности.

Отдаленность от центра и частые столкновения с кочевниками являлись причиной малой заселенности края. Усиленное заселение края начинается в последней трети XVIII в. Беглые крепостные и крестьяне-переселенцы положили начало хозяйственному освоению территории. А создание в крае опорных пунктов обеспечило условия для появления дворянского землевладения. Активное заселение края в конце XVIII - начале XIX вв. находится в неразрывной связи с начинавшимся разложением феодально-крепостнического строя в России.

Правительство попыталось направить освоение низовьев Волги на крепостнических принципах путем насаждения здесь помещичьего землевладения и переселения крепостных. Однако эта политика потерпела неудачу. Достаточно сказать, что хотя крепостное население и достигло к 1861 г. 6 тыс. душ мужского пола, но по отношению к общей численности населения губернии составляло чуть более 2% [3, с. 180]. Обнаружило свою полную несостоятельность в деле развития производительных сил края помещичье хозяйство с его малопродуктивным, по сравнению с наемным, крепостным трудом (как это было, например, в рыболовстве).

К началу XIX в. на приобретенных помещиками землях появилось около 20 поселений с общим числом жителей 2294 человека. Но более половины дворянских латифундий к началу XIX в., оставалось, несмотря на указ о заселении, незаселенными [Там же, с. 185].

Астраханские помещики становились не только владельцами земли, но и владельцами рыбных угодий, т.е. рыбопромышленниками. Основную роль в экономическом освоении края сыграли народные переселения, и, в первую очередь, беглые крепостные крестьяне, составившие ядро народонаселения Астраханской губернии. По неполным данным, в начале XIX в. в губернии проживало более 20 тыс. беглых крестьян. Однако наличие многочисленного беглого крестьянства еще не означало признания его прав. Они признавались постепенно, как легальными, так и полулегальными формами.

Крайне медленно происходило переселение государственных крестьян. В 1806 г. было переселено 254 чел. (муж. пола), в 1809 г. - 131, в 1810 г. - 335, в 1812 г. - 228 [7, с. 52].

Со второй четверти XIX в. темпы переселения государственных крестьян возрастают. С 1825 по 1838 гг. в Астраханскую губернию были переселены 6388 чел. (муж. пола). С 1839 по 1850 гг. число государственных крестьян увеличилось всего на 757 человек. Намеченное в 1846 г. образование 44 станиц на калмыцких землях дало толчок к новым переселениям [Там же, с. 60]. Основную массу переселенцев составили государственные крестьяне Воронежской, Рязанской, Тамбовской, Смоленской, Курской и Полтавской губерний.

В начале XIX в. усилился поток «самовольцев». Это был своеобразный, стихийный протест против бюрократической волокиты и попытка обойти обязательное требование к переселенцам - погашение недоимок и внесение двойной уплаты всех сборов вплоть до новой ревизии. В начале 30-х гг. XIX в. «самовольцев» в Астраханскую губернию пришло более тысячи человек мужского пола.

Материалы доклада Астраханского губернатора графу П. Д. Киселеву свидетельствуют, что в 1837 г. в губернии насчитывалось «самовольно зашедших» 1297 человек, в то время как официально разрешенных всего 506 [6, с. 322]. Резкое увеличение удельного веса самовольных переселенцев последовало в 50-е гг. в связи с разрешением селиться на калмыцких землях, причем следует заметить, что «самовольцы» были в большинстве своем зажиточными крестьянами. Сословие астраханских государственных крестьян формировалось из легализованных беглых крепостных, переселенцев и прочих категорий крестьян. Общая численность государственных крестьян Астраханской губернии увеличилась с 8347 человек мужского пола в 1799 г. до 87355 - в 1857 г. Но здесь не следует забывать и о территориальном увеличении Астраханской губернии - присоединении Царевского уезда. К государственным крестьянам относили также и калмыков - кочевников казенных улусов. Немалую роль в хозяйственном освоении края сыграло население самовольных поселков на берегу Каспийского моря (более 10 тыс. человек), абсолютно не учитывавшееся официальной статистикой. Жители этих поселков - в основном, ловцы [4, с. 39].

В нижеволжской деревне в первой половине XIX в. происходили социальные изменения - свидетельство развивавшихся товарно-денежных отношений. Свое конкретное выражение они находили в отходничестве и в переходе крестьян в городские сословия.

Астраханская губерния была одним из тех мест, «где лучше», и поэтому наводнялась ежегодно многочисленной армией отходников (от 10 до 25 тысяч человек). Вместе с тем отходничество было развито и в самой губернии и особенно среди государственных крестьян. Крестьяне нанимались на рыбные промыслы, на речные и морские суда, уходили в города. В 50-х годах количество крестьян, проживавших в городах губернии, достигло внушительных цифр: около 13 тыс. человек обоего пола [7, с. 65]. Крестьяне, длительное время жившие в городе, переходили в городские сословия. Наиболее состоятельных из них не останавливали препятствия в виде уплаты податей по двойному состоянию, т.е. за крестьян и за мещан или купцов вплоть до новой ревизии.

В Астраханском крае слабее ощущалось господство феодальных отношений, не так сильно ограничивались промысловая деятельность крестьян и переход их в городские сословия. Крепостничество российского типа было ничтожным на территории Астраханской губернии. Но это отнюдь не означало, что большая часть населения края пользовалась личной свободой.

Особенно это касалось калмыков и киргизов (казахов). Правительство все больше вторгалось во внутренние отношения этих народов, регламентируя повинности зависимого населения, направляя часть калмыков на кордонную службу. Земли богатых калмыков частично переходили в казну, а калмыки, жившие на этих землях, становились казенными. Но, живя по соседству с русскими, калмыки все больше втягивались в работы по найму. С разрешения своих нойонов и зайсангов они массами шли на рыбные и соляные промыслы, считаясь там лучшими работниками.

Нижнее Поволжье, сочетавшее с выгодами Волжского торгового пути плодородие почвы, теплый климат и относительное многоземелье, продолжало в середине XIX в. сохранять значение колонизирующегося района Европейской России. Сюда непрерывно устремлялись потоки переселенцев из малоземельных северо-западных и центральных губерний. По всему течению Волги были раскинута поселения, основанные беглыми крепостными, которые стремились на волжских просторах освободиться от тягостей прежней жизни.

Губернии, расположенные по нижнему течению Волги, несмотря на разнообразие природных и экономических условий, представляли собой внутренне единую территорию. Их связывал, прежде всего, исторически сложившийся водный путь, по которому в течение столетий происходил торговый обмен между юго-восточными и северо-западными районами страны. Волга способствовала развитию рыночных связей, а, следовательно, и росту товарного производства; она притягивала к себе людей, занятых профессиональной торговлей. Вторым объединяющим фактором были особенности почвы и климата: почти на всем протяжении волжского бассейна вперемежку с глинами и песками пролегалли плодородные черноземные почвы, на которых велось земледелие; однако, несмотря на благоприятный, относительно мягкий климат, постоянным врагом местного земледелия были восточные ветры, приносившие с собой летние засухи и частые неурожай. Третьим объединяющим фактором были исторические условия, в которых развевывалась хозяйственная жизнь Среднего и Нижнего Поволжья; здесь находились области, позднее заселенные русской, а на юге - украинской и другими народностями. Однако, несмотря на внутреннее хозяйственное единство, губернии, лежавшие по нижнему течению Волги, делились на несколько районов, сильно отличавшихся друг от друга в экономическом отношении.

В Саратовской и Астраханской губерниях преобладали обширные степные пространства, все больше вовлекавшиеся в русло развитого сельского хозяйства. Наличие плодородной, неистощенной почвы и менее густое земледельческое население делали эти губернии особенно притягательными для среднерусских и южных переселенцев. Однако и тут были существенные отличия между отдельными губерниями и даже уездами. Саратовский край был заселен ранее и представлял меньше выгод переселенцам. Но и здесь увеличение числа жителей было результатом не только естественного прироста, но и притока крестьян из западных и центральных районов, по своим размерам уступавшего только в немногих, преимущественно восточных, губерниях Европейской России.

На огромном пространстве Астраханской губернии расстилалась малозаселенная степь с глинистой почвой и солонцами. Но в отличие от соседних земледельческих губерний, Астраханский край не мог стать хлебной житницей Европейской России. Население нижеволжской деревни, слагавшееся частью из переселенцев (русских и украинцев), частью из полуседлого слоя татар, располагало значительным наделом земли. Урожайные пашни лежали почти исключительно на севере, главным образом в Царевском и Черноярском уездах, на степной полосе, растянувшейся вдоль течения Волги. В южных - Астраханском и Красноярском уездах земледелие играло ничтожную роль. Государство всегда играло значительную роль в переселениях, направляя и регулируя их. В то же время, степень такого влияния в каждом регионе России определялась по-разному. Заселение Астраханской губернии (особенно в XVIII в.) было принудительным, а значит роль государства - велика. В то же время, в губернии наблюдался значительный процент самовольных поселенцев, следовательно, правительство не всегда могло оказать решающее влияние на процесс переселения. Последний факт во многом связан с общим направлением переселенческой политики в России, направленной на сдерживание миграций населения, особенно в 60-70-х гг. XIX в.

Земледельческие переселения рубежа XIX-XX вв. были направлены на окраины страны и означали «развитие капитализма вширь». Астраханская губерния относилась в первую очередь к районам заселения.

Ко второй половине XIX в. Астраханский край был в основном заселен. Массовые переселения потеряли свою актуальность. К тому же переселения в губернию имели целью не расселение сельских производителей из-за малоземелья, как это было при переселении в Сибирь, а заселение окраинной территории с целью ее хозяйственного освоения и защиты. Поэтому, для полноты картины, следует обратиться к XVIII в., когда шло активное заселение губернии.

Помещичья колонизация края была незначительной. В астраханском варианте инициатором переселения крепостных по воле помещиков было правительство, которое осуществляло колонизацию слабозаселенных, пустынных окраин империи. К концу XVIII в. помещиками было поселено в Астраханской губернии 2440 чел., из них 1350 чел. - из Нижегородской губернии, 347 чел. - из Симбирской, 216 чел. - из Костромской, 8 чел. - из Пензенской; кроме того, 349 крещеных калмыков из Нижегородской губернии. Для развития хлебопашества и скотоводства дворянам в 60-е гг. XVIII в. было разрешено скупать астраханские (в том числе пойменные) земли. Лишь каждый четвертый дворянин купивший землю в крае, заселил её крестьянами. По ревизии 1795 г. таких поселений было 20 с населением 2282 чел. К данной форме миграции относятся и «обязательный» перевод государственных крестьян в низовья Волги (по распоряжению правительства), и расселение астраханских казаков по Волге (к началу XIX в. их численность достигла 7283 чел.) [3, с. 5].

Первыми сельскими поселениями государственного порядка были учуги (рыболовные сооружения). Города и поселки возникали как карантинные посты, форпосты, почтовые станции. Государственная колонизация края дала значительные результаты: на территории губернии возникло 110 государственных жилищ, что составляло 28,2% всех поселений края.

Сословие астраханских государственных крестьян формировалось из легализованных беглых крепостных, «переведенцев» других губерний, экономических крестьян и однодворцев. В состав государственного крестьянства вошли также «малороссияне», казанские и вятские служилые и ясачные татары, а с восьмой ревизии - юртовские и кундровские татары [7, с. 133]. Большая часть беглых переселенцев проживала в так называемых «самовольных» или временных поселках, расположенных, как правило, на владельческой, то есть принадлежавшей помещику земле. Своей земли они не имели даже под усадьбу и за ними не признавали никаких прав на нее. В таком положении самовольные поселки находились до конца XIX в. [4, с. 18-20]. Следует отметить, что основную роль в экономическом освоении Астраханского края сыграли народные переселения, и, в первую очередь, беглых крепостных крестьян, которые составили ядро народонаселения Астраханской губернии [7, с. 135].

В XVIII в. самовольных поселков на территории губернии было 30 (на 300 дворов), с населением 1331 чел. В первой половине XIX в. их появилось еще 45: 10 - в Астраханском уезде, 35 - в Красноярском, всего 724 двора с населением 5677 чел. [3, с. 17]. Часто причина переселений была связана с особенностями земельных отношений, в том числе с широким развитием аренды в регионе. Так, туркмены Ставропольской губернии просили поселить их в Астраханском уезде на оброчные участки, включив в число государственных крестьян.

Итак, к 60-м гг. XIX в. Астраханский край был в значительной мере уже заселен. Край обладал огромным колонизационным фондом земель, имея редкое кочевое население. Первых мигрантов привлекали сюда природные ресурсы, и задачей правительства стало заселение богатого рыбой и солью края. Как и в большинстве окраин России, значительной была роль государства в заселении губернии, хотя и не всегда экономически и нравственно оправдана (монополия на соледобычу, принудительное переселение). Кроме того, в губернию на промыслы приходило много отходников из внутренних губерний - грузчиков и ремесленников. Этому способствовала перевозка товарных грузов по Волге и Каспийскому морю, шедших в азиатские страны и в обратном направлении.

Обширность и незаселенность территорий края привлекали переселенцев из малоземельных губерний. Однако из-за сложных природных условий край заселялся медленно. Власти приглашали к поселению представителей самых различных сословий, социальных категорий и народов: отставных воинских чинов, однодворцев, казаков, государственных крестьян, калмыков, татар, армян и даже «праздношатающихся» бродяг. Несмотря на предоставляемые переселенцам щедрые льготы и пособия, добиться, тем не менее, поставленной цели, так и не удалось. Причинами тому послужили все те же тяжелейшие природные условия, удаленность от освоенных мест и отсутствие гарантий безопасности для новых селений.

Во второй половине XIX в. в связи с проведением земельной реформы переселенческое движение активизировалось. К концу XIX в. население Астраханской губернии выросло более чем в 2 раза [12, с. 10]. Молва о свободных астраханских землях и о больших заработках на промыслах привлекала сюда население и во второй половине XIX в. Например, государственные крестьяне Саратовской губернии обратились с просьбой о наделении их доверителей сенокосной землей «из Ахтубинской долины». В ответ Министерство государственных имуществ просило Астраханскую палату государственных имуществ разъяснить, не принадлежит ли кому-нибудь земля Ахтубинской долины для поселения казаков Астраханского казачьего войска.

Некоторых переселенцев правительство допускало в качестве арендаторов казенных земель. Им оказывались льготы, но земли были неудобные, многие разорялись и возвращались обратно.

В пореформенный период особенно активизировались переселения бывших государственных крестьян. В Астраханской губернии к категории наиболее заселяемых относились Астраханский и Черноярский уезды. Некоторые местности почти не заселялись - таковы территории Внутренней Киргизской орды, Енотаевского и Красноярского уездов Астраханской губернии. Переселение шло не только в губернию, но и из нее. С 1872 по 1882 гг. в губернию прибыло 2145 чел., а покинуло - 944, т.е., прибывшего населения было больше, чем покинувшего край. Наибольшее количество переселилось в Черноярский уезд (999 чел.), но и уезжали в основном из него же (481 чел.). Заселение Астраханской губернии было глубоко прогрессивным фактом в истории, как Астраханского края, так и всей России. Оно содействовало быстрейшему подъему производительных сил, превращению края из малонаселенной пустынной местности в край развитого рыболовства, скотоводства, а на севере губернии - и земледелия. Процесс переселения регламентировался законодательно, однако наиболее благоприятными условия для него стали лишь в начале XX в.

Активизация переселений во второй половине XIX - начале XX вв. была связана с изменением правительственной политики и процессами развития капитализма, затрагивавшими крестьянское хозяйство. Реформа 1861 года вызвала новый приток переселенцев в низовья Волги. Переселенцы продолжали прибывать главным образом из малоземельных районов Центральной России и Украины. Открытие регулярного пароходства по Волге, сократившее время и стоимость перевозки грузов на большие расстояния, способствовало развитию многих товарных отраслей хозяйства края.

С 1861 г. после длительного перерыва начинается государственная эксплуатация озера Баскунчак. В учреждениях по тракту поселили крестьян из числа местных жителей, которые должны были следить за сохранностью колодцев и тракта. Ломкой соли занимались казахи и специально переселенные для этого крестьяне Пензенской губернии, перевозкой соли от озера к пристани - крестьяне селений, расположенных по левому берегу Ахтубы.

Бурное развитие переживает Астраханское рыболовство. Развитие вольного морского лова вызвало появление множества рыболовных поселков и станов. Приток населения в дельту сопровождался не только основанием новых селений, но и ростом уже существующих. Сравнение данных о количестве жителей по спискам населенных мест 1859-1875 гг. показало, что в большом количестве селений дельты население увеличилось за этот период в 1,5-2 раза. Развитие Астраханского рыболовства привлекало на время путины большое количество сезонных рабочих. Часть из них осталась в дельте на постоянное место жительства [4, с. 25]. Состав ловецкого населения региона был весьма разнообразен: кроме коренных жителей Астраханской губернии в него входили крестьяне Тамбовской, Саратовской, Нижегородской и Пензенской губерний, мигрировавшие отсюда из-за малоземелья.

Дальнейшее развитие рыболовства, строительство пристаней и рыбозаводов, появление новых отраслей промышленности, обслуживающих рыбное хозяйство и транспорт способствовало притоку рабочей силы, которая стекалась сюда со всех концов России. Росту населения дельты способствовал упадок скотоводства кочевников, вызвавший приток на рыбные промыслы обедневших калмыков и казахов Букеевской Орды. Голод 1891-1892 гг. в Поволжье также вызвал прилив населения в дельту из северных районов.

Анализ данных Первой всеобщей переписи населения Российской империи показал, что 17% оседлого населения Астраханской губернии составляли прибывшие в губернию незадолго до переписи. В Астрахани во второй половине XIX в. число прибывших составляло 57,8% всего населения, или 65191 чел. Из этого числа 6449 чел. (9,9%) были уроженцами других уездов, а 58742 чел., или 90,1% составили уроженцы других губерний и государств [12, с. 22]. Наиболее заселяемыми во второй половине XIX в. были Астраханский - там число прибывших достигло 37% всего населения уезда, Чернойарский (11,7%) и Царевский (8,1%) уезды. В Енотаевском и Красноярском уездах число прибывших было небольшим - 5 и 4,6% соответственно. За период с 1859 по 1903 гг. население большинства населенных пунктов выросло в 3-4 раза. Особенно большой прирост населения происходил по берегам моря и крупных протоков. Данные 1903 г. говорят о сокращении или небольшом приросте населения по сравнению с 1897 г. в селениях северной и средней дельты при продолжавшемся росте селений, расположенных ближе к морю. В селениях Волго-Ахтубинской долины относительный рост населения был значительно меньшим, чем в селениях дельты. За период с 1859 по 1897 гг. лишь немногие селения выросли в 2 раза по количеству жителей. Но абсолютный прирост все же был велик. В 1897 г. по берегам Волги и Ахтубы выше городов Астрахани и Красного Яра насчитывалось 66 селений с количеством жителей более 500 чел. Переселенцы сюда не шли из-за малых наделов земли.

Городское и сельское население в уездах Астраханской губернии растет непрерывно вплоть до 1914 г. П. П. Семенов при издании Статистики поземельной собственности по исследованию 1877 г. отнес Астраханскую и Саратовскую (и некоторые другие) губернии к Нижневолжской области. По его подсчетам, с 1811 по 1913 гг. там наблюдался рост населения (в 4,41 р.). Это объяснялось тем, что все еще продолжались процессы заселения. В пользу прироста населения свидетельствуют и данные о плотности населения. Так, в Астраханской губернии плотность непрерывно увеличивалась с 1,9 чел. на 1 кв. версту в 1863 г. до 6,3 - в 1914 г. В то время как появление во второй половине XIX в. новых и рост старых населенных пунктов в дельте и придельтовых ильменях были связаны почти исключительно с развитием рыбных промыслов, в Волго-Ахтубинской долине эти же процессы происходили, главным образом, в связи с ростом товарности сельского хозяйства и развитием соляной промышленности на озере Баскунчак.

Для размещения значительной части переселенцев были использованы земли, которые прежде входили в состав кочевых угодий казахов и киргизов. Закон 1847 г. запрещал «посторонним» селиться на калмыцких землях без разрешения правительства [8, с. 84, 87]. Но это не мешало стихийной русской колонизации калмыцких земель. После реформы 1861 г. правительство начинает поощрять переселения в Калмыцкую степь с целью колонизации окраин. Земельная теснота в центральных губерниях России, а также тяжесть крепостного гнета вызывали побег крестьян на «вольные» калмыцкие земли еще в XVIII в.

Особенно интенсивно калмыцкие земли заселялись крестьянами с начала XIX в. В северной части Эргеней возникли станицы Аксай, Большие и Малые Чапурники, Цаца и Дубовый овраг. Их население пришло из внутренних малоземельных губерний России. Уже в 1830-1840-е гг. правительство отмежевало им значительные участки степи [11, с. 10-11]. Переселение шло в течение всего XIX в., однако начиная с 1840-х гг. приток крестьян усиливается. Переселенцами захватывались и распахивались без ведома властей внушительные территории, принадлежавшие калмыцким кочевьям. Калмыцкие феодалы взымали арендную плату с крестьян. Отдача в аренду «излишних» калмыцких земель была разрешена еще в 1837 г. в виде временной меры, но затем стала обычной. Размеры арендной платы были невелики и устанавливались арендаторами и феодалами по своему усмотрению.

Еще правительственная инструкция 1846 г. предписывала основывать селения по трактам, проходившим через Калмыцкую степь и имевшим важное значение, особенно до проведения железных дорог [1, с. 38]. Предполагалось устроить 28 селений из русских крестьян и калмыков по 50 дворов каждое, с отводом крестьянам и калмыкам-простолюдинам по 30 десятин на душу м. п., нойонам - по 1500 десятин, зайсангам аймачным по 400, безаймачным - по 200 десятин на семейство. Опыт привлечения калмыков к оседлости был неудачным. Русские селения заселялись медленно выходцами из малоземельных Воронежской и Харьковской губерний. Правительство обеспечивало колонистов ссудами на обзаведение хозяйства и давало различные льготы на первое время.

К 1860 г. на Царицынско-Ставропольском тракте, связывавшем Волгу с Северным Кавказом, в так называемой Высокой степи, в Эргенях, возникли с. Плодовитое, Абганерово, Тундутово, Садовое, Обильное, Кислево, Заветное, Торговое, Ремонтное, Крестовое, Кормовое и Приятное. В них к 1864 г. значилось уже 11893 души обоего пола крестьян - русских и украинцев. На юго-восточной окраине степи, в Астраханской губернии, на так называемом Линейном тракте, к 1864 г. было основано 8 селений (3458 душ обоего пола). В этом районе заселение шло медленно из-за неблагоприятных климатических и почвенных условий. Переселенцы, среди которых было много украинцев, принесли с собой орудия труда и способы обработки земли, типичные для южных областей европейской части России. Однако эти способы ведения хозяйства не в полной мере соответствовали условиям калмыцкой степи. Довольно большие душевые наделы позволяли крестьянам несколько раз подряд (но не более трех лет), распахивать и засеивать один участок, после чего он оставался, а распахивался другой. В конечном счете, это вело к сильному истощению почвы [8, с. 11-12].

С самого зарождения новых поселений переселенцы стали прибегать к найму на работы в их хозяйствах калмыков, труд которых оплачивался чрезвычайно низко. В первые годы переселенцы, не имевшие рабочего скота, брали его за небольшую плату у калмыков. Через 10-15 лет многие из этих поселенцев стали собственниками крупных стад, для ухода за которыми нанимались неимущие калмыки. Уже к середине 1860-х гг. разведение и продажа скота становятся главным занятием части хозяйств новоселов. Развивается перепродажа крестьянами калмыцкого скота. Развитие товарного скотоводства повлекло за собой расслоение крестьянского общества. С одной стороны, часть земледельческих хозяйств начала постепенно попадать в зависимость от зажиточной части, сохраняя земледелие как основное занятие, с другой - развиваются хозяйства, где главную роль играют товарное скотоводство и посредническая торговля. Часть земли зажиточных хозяев отдавалась в аренду тем переселенцам, которые по каким-то причинам не получили земельных наделов. В Калмыцкой степи появляется к 1860-м гг. особая категория крестьян-арендаторов, которые эксплуатировались владельцами земельных участков. И все же для крестьян малоземельных губерний переселение в степи Нижнего Поволжья выглядело довольно заманчиво. После реформы 1861 г. на территорию калмыцкой степи хлынули крестьяне с земель Войска Донского. Большинство из них ранее принадлежало помещикам-скотоводам и жило на хуторах, занимаясь скотоводством. Развитие хозяйства у новых поселенцев пошло иначе, чем у первых колонистов. Здесь начали сразу же создаваться скотоводческие хозяйства. Несколько позже стала обрабатываться земля. Администрация не имела возможности остановить поток переселенцев и в ряде случаев шла на уступки, отрезая новые участки от Калмыцкой степи.

Приток переселенцев в Астраханскую губернию продолжался в течение всей второй половины XIX в. Так называемая 10-верстная полоса на нагорном берегу Волги, которой по указу 1806 г. могли пользоваться и калмыки и крестьяне для выпаса скота, и которая по отмежеванию исчислялась в 625 тыс. десятин, фактически была занята хуторами и распахками. Широко пользовалось крестьянство и арендой земель в Калмыцкой степи. К 1874 г. более 500 тыс. десятин находилось здесь в аренде у крестьян [11, с. 13].

Среди крестьянства, арендовавшего землю в Калмыцкой степи, выделялись две группы. Бедные крестьяне вынуждены были прибегать к аренде, так как страдали от малоземелья и разорения вследствие происшедшего в крестьянской деревне интенсивного процесса социального расслоения. В Калмыцкую степь переселялись, спасаясь от малоземелья, крестьяне Ставропольской, Саратовской и Самарской губерний, арендовавшие землю у богатых калмыков. Так, осенью 1909 г. на верхнем участке острова Шамбай в Александровском улусе поселилось 20 семейств из Саратовской губ., арендовавших землю у князей Тюменей [Там же, с. 66]. Другую группу крестьян-арендаторов составляли представители богатой крестьянской верхушки.

В 1847-1876 гг. продолжалось организованное государством заселение дорог на калмыцких землях. В 1860-х гг. правительство организовало исследование мест, расположенных на внутренних дорогах. Его результаты побудили отказаться от широкомасштабной колонизации, ограничившись заселением небольшими поселками Крымского тракта и дозаселения старых селений.

Переселения крестьян в 1863-1876 гг. в количественном отношении уступали колонизационным процессам предшествующих лет. В этот период на землях астраханских калмыков образовалось всего 8 селений и поселков, в то время как в 1847-1862 гг. - 19.

В середине 1870-х гг. в Астраханской губернии отвод калмыцких земель под поселение в них прекратился. Это диктовалось необходимостью сохранения калмыцкого скотоводства, на котором все больше начали сказываться отрицательные последствия переселений. Запрет в 1870-х гг. переселений в калмыцкие степи только затормозил, но не остановил их освоение. В последней четверти XIX в. заселение калмыцких земель осуществлялось в основном нелегально. Состав переселенцев стал разнообразнее.

Переселения исходили не из центральных губерний, а из расположенных на калмыцких землях селений, или же из сопредельных с Калмыцкой степью местностей. Возникших в этот период поселений было немного и все они, как правило, были малочисленны и разнотипны - это торговые поселки, миссионерские станы, крестьянские селения и поселки, хутора. Некоторые поселения возникали легально и первоначально предназначались не для крестьян, но впоследствии оказались занятыми ими. Таковыми были, созданные с целью развития торговли в калмыцких улусах, Яшкульский базар или призванные стать форпостами христианизации калмыков - миссионерские станы Наин-Шиир, Чилгир, Кегульта.

В конце XIX в. правительство получила распространение точка зрения сторонников аренды, считавших аренду не только удобным способом устройства поселян, но и самым целесообразным средством против самовольных переселений. В процессе обсуждения проблемы самовольных переселенцев министром государственных имуществ было выдвинуто предположение о возобновлении в малых размерах переселений крестьян в Калмыцкую степь. Однако ни по одному из обсуждавшихся вопросов правительство не вынесло заключений, отложив их решение до передачи Калмыцкой степи в ведение Министерства внутренних дел.

В начале XX в. ситуация изменилась, и все самовольные поселения на калмыцких землях были легализованы. Получив у правительства разрешение на проживание, переселенцы, не получили, однако, административного и земельного устройства, причем последнее было особенно важным для всех типов самовольных поселений. К решению проблемы землеустройства правительство подходило дифференцированно, учитывая специфику и предназначение того или иного поселения. Для жителей приволжских селений и хуторов 10-15 верстной полосы предполагалось, например, установить надельное землепользование. В торговых пунктах и рыболовецких посадах речь шла об аренде земли под усадьбы, торговые заведения и постройки, в остальных правительство проявило колебания между надельным и арендным землеустройством.

В основном отношении переселенческая деревня была однородна и состояла из юридически свободных лиц - государственных крестьян, однодворцев, отставных солдат, свободных хлебопашцев, бывших крепостных и, в меньшей степени, из мещан и купцов. Отсутствие среди переселенцев помещичьих крестьян и казачества, объяснялось главным образом особым статусом калмыцких земель и спецификой решаемых в этом районе задач. География мест выхода переселенцев охватывала преимущественно центрально-черноземные губернии левобережной и южной Украины - это Воронежская, Харьковская, Тамбовская, Екатеринославская, Таврическая, Полтавская, Черниговская, Киевская [13, с. 75-80].

Активное участие в заселении калмыцких степей на всех этапах принимали крестьяне соседних Астраханской, Ставропольской и Саратовской губерний. В силу этих причин национальный состав селений был русско-украинским, хотя в целом численный перевес был на стороне украинцев.

Экономическое становление переселенческой деревни происходило в неблагоприятных природных условиях. На первых порах переселенцы, как уроженцы земледельческих губерний, при поддержке администрации пытались придать своим хозяйствам земледельческую направленность, но вскоре, убедившись в его нерентабельности в местных условиях, сосредоточили свое внимание на скотоводстве, не забросив, впрочем, занятия земледелием.

Разнообразие почвенных и климатических условий различных частей Калмыцкой степи предопределило их хозяйственную специализацию. Так, экономика переселенцев центральной степи основывалась исключительно на скотоводстве; селения южных и средних Эргеней и луговой части Волги были скотоводческо-земледельческими; восточных - рыболовно-скотоводческими.

В 80-х гг. XIX в. проводившаяся на протяжении десятилетий бессистемная эксплуатация земель дала свои «плоды», проявившиеся в выведении из сельскохозяйственного оборота значительных массивов калмыцких земель. Это побудило местную администрацию ужесточить контроль над использованием калмыцких земель, а калмыков - ограничить аренду. Урон от таких мер понесли главным образом переселенцы, хозяйства которых в сильнейшей степени зависели от аренды калмыцких земель.

Крестьянские переселения, несмотря на свою сравнительную немногочисленность и ограниченность окраинами степи, все же оказали значительное воздействие на развитие производительных сил калмыцкого общества. Главная заслуга их состоит в преодолении моноотраслевого характера экономики калмыков и создании на данной территории очагов оседлой культуры, без которой был немислим дальнейший прогресс.

Другой важный момент крестьянской колонизации заключался в том, что переселенческая деревня, с более выраженной товарной направленностью, ускорила вовлечение калмыцких хозяйств во всероссийский рынок.

Список литературы

1. Белоусов С. С. Разработка государственной программы заселения территории вдоль дорог на калмыцких землях Астраханской и Ставропольской губерний в первой половине XIX в. // Россия сельская. XIX - начало XX в. М., 2004.
2. Васькин Н. М. Заселение Астраханского края. Волгоград, 1973.
3. Васькин Н. М. Помещичье землевладение в Астраханском крае во второй половине XVIII в. // Проблемы истории СССР. М., 1976.
4. Воронова А. А. Рыбные промыслы Нижней Волги и Каспия в XIX - начале XX вв.: монография. Астрахань, 2005.
5. Голикова Н. Б. Очерки по истории городов Нижнего Поволжья XVII - первой половины XVIII вв. М., 1970.
6. История Астраханского края: монография. Астрахань, 2000.

7. **Карагодин А. И.** Крестьянское освоение Астраханского края в первой половине XIX в. // *Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР*. М., 1980. Сб. 9. С. 131-148.
8. **Костенков К. И.** Статистическо-хозяйственное описание калмыцкой степи Астраханской губернии. СПб., 1868.
9. **Любомиров П. Г.** Заселение Астраханского края в XVIII в. // *Наш край*. 1926. № 4.
10. **Опросные листы Астраханского губернского статистического комитета за 1905 г. № 15606-15702.**
11. **Пальмов Н. Н.** Этюды по истории приволжских калмыков. Астрахань, 1927. Ч. 2.
12. **Первая всеобщая перепись населения 1897 г. Астраханская губерния.** СПб., 1899. Тетрадь 1.
13. **Списки населенных мест Российской империи. Астраханская губерния.** СПб., 1861.

УДК 347

Наталья Александровна Новикова

Урюпинский филиал Волгоградского государственного университета

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ВОЗМЕЩЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО УЩЕРБА В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РФ©

Общеизвестно, что нормы гражданского права разграничивают понятия имущественного и неимущественного (морального) вреда. Однако это не означает, что причинение имущественного вреда не влечет за собой переживаний или страданий потерпевшего, и в этом плане указанные понятия по своим последствиям в известном смысле взаимосвязаны и взаимозависимы. В гражданском праве в имущественных правоотношениях под вредом понимается всякое уменьшение имущественного актива потерпевшего, которое может произойти как в результате причинения вреда имуществу потерпевшего, так и в случае причинения вреда его личности. Понятие «вред, причиненный имуществу другого» включает в себя не только повреждение предметов материального мира (их уничтожение или обесценивание), но и лишение потерпевшего каких-либо иных имущественных ценностей или возможностей, например, лишение его возможности получить долг с третьего лица по причине утраты документов, подтверждающих этот долг, и т.д. В частности, вредом, причиненным имуществу, является лишение потерпевшего выгоды, которую он мог бы получить. Причинение материального вреда (ущерба) заключается в умалении имущественной (экономической) сферы потерпевшего. Гражданское законодательство и судебная практика различают вред «договорной» и «внедоговорной». «Договорной» вред может возникать в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства одной из сторон, которые уже состояли в определенных гражданско-правовых отношениях. «Внедоговорной» является вред, который причиняется нарушением определенного социального блага; при этом стороны не состояли в обязательных отношениях, и вред возникает непосредственно из правонарушений (деликтов).

Если обратиться к ст. 12 ГК РФ, замечаем, что в ней отсутствует упоминание о таком способе защиты гражданских прав, как «возмещение вреда», но говорится о таком способе, как «возмещение убытков». Что касается ст. 15, то из нее можно сделать вывод, что термин «убытки» применим к случаям как договорных, так и деликтных обязательств, поскольку здесь под убытками понимаются:

- 1) реальный ущерб в виде расходов, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права;
- 2) утрата или повреждение его имущества;
- 3) упущенная выгода - неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено.

Такое понимание убытков применимо при причинении как органического, так и имущественного вреда.

Например, гражданин получает увечье в результате дорожно-транспортного происшествия. Собственно увечье (повреждение организма) представляет собой органический вред. Этот органический вред вызывает физические страдания у потерпевшего в момент причинения увечья и в процессе последующего лечения. Одновременно осознание своей неполноценности, невозможность вести равноценную прежней жизнь, утрата работы заставляют его испытывать переживания, т.е. претерпевать нравственные страдания. В совокупности нравственные и физические страдания составляют моральный вред, который при наличии других необходимых условий должен быть в соответствии со ст. 151 ГК компенсирован в денежной форме [3, с. 19].

Чтобы поддерживать свое существование и вести достойный человека образ жизни, потерпевший обращается за такими платными услугами, к каким вынуждает его состояние увечья, и совершает иные, связанные с этим состоянием расходы. По терминологии ст. 15 ГК, он несет расходы для восстановления своего нарушенного права (на полноценную и достойную человека жизнь). Такие расходы составляют реальный ущерб потерпевшего. Теряя прежнюю работу, он утрачивает прежний доход (упускает выгоду), который не утратил бы, если бы его здоровье не было нарушено. В целом он несет убытки, которые подлежат возмещению в полном объеме.